

DOI 10.15393/j9.art.2017.4322

УДК 821.161.1.09“18”

Елена Анатольевна Худенко*Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул, Российская Федерация)*

helenahudenko@mail.ru

КИРГИЗСКАЯ СТЕПЬ В ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ И ОЧЕРКАХ М. М. ПРИШВИНА: ИМАГОЛОГИЯ И ПОЭТИКА*

Аннотация. В статье рассматриваются сквозные образы и сюжеты, связанные с топографией киргизской степи (ныне Северо-Восточный Казахстан) в творчестве М. М. Пришвина. Эмпирической базой послужили три ранних текста — сибирский дневник «Путешествие из Павлодара в Каркаралинск», очерки «Адам и Ева» и «Черный араб». Маргинальность пришвинских текстов, в которых писатель-путешественник пересекает не только границу между Европой и Азией, но и пребывает одновременно в пространстве «своего» и «чужого», позволила реконструировать специфику ландшафтного сознания киргизов и русских переселенцев. Методологической особенностью изучения этих произведений наряду с исследованием поэтики образов степи, персонажей-казахов, местных легенд и кочующих сюжетов явилось описание их имагологической составляющей, порожденной социально-историческими, политическими, этническими процессами начала XX века, о которых писатель рассуждает в своих книгах. В путевых записях (дневнике) формируется общая стратегия повествования, движущегося от документально-очерковой основы к поэтическому насыщению образами. Очерк «Адам и Ева» рассматривает проблему русских переселенцев, показывает несовместимость оседлого и кочевого образов жизни как двух типов национального поведения. Двоящийся образ степи — степь голодная, солончаковая и степь богатая, обжитая — задает параметры социального поведения богатых и бедных в очерке «Черный араб». На его материале исследованы приметы степи как рая. Таким образом, азиатский мир осмыслен Пришвиным через специфику ландшафтного сознания, что позволило реконструировать черты национального мышления в целом.

Ключевые слова: путевые записки, очерк, М. М. Пришвин, имагология, степь, переселенцы

Сопоставление трех произведений раннего периода творчества М. М. Пришвина — «Путешествие из Павлодара в Каркаралинск» с подзаголовком «Сибирский дневник» (1909), путевого очерка «Адам и Ева» (1909) и очерка-поэмы «Черный

араб» (1910) детально не производилось в пришвиноведении. Отдельно рассматривались «сибирский дневник» Пришвина [2], [9], автобиографизм, поэтика и жанровые особенности очерковых текстов (см.: [1]; [3]; [4]; [5]; [6]) и выработка на материале азиатского путешествия основных принципов лаборатории писательского труда [8] — прежде всего насыщенной поэтической образности очеркового повествования, как отмечал сам Пришвин, «самовольного напора поэтического материала»¹.

Однако сопоставление произведений, в основу которых лег один и тот же материал, а именно — впечатления писателя от поездки в Киргизию², представляется перспективным еще с одной точки зрения: каким образом меняется имагологическая (от лат. *imago* — изображение, образ) составляющая одних и тех же тем и мотивов, пропущенных через разную жанрово-стилевую организацию текстов. Под имагологической составляющей в данном случае понимается «социально-идеологическая» сторона образа Другого, что кардинально, по мнению В. П. Трыкова, отличает этот подход от компаративистского [7, 120]. Добавим, что к имагологии, на наш взгляд, можно отнести и социально-общественные, исторические, политические, географические и этнические предпосылки, которые так или иначе формируют текстовую действительность. Реконструкция имагологической составляющей текстов задана в данном случае тем, что, во-первых, в разных жанрах Пришвиным обработан один и тот же материал — путевые заметки с мая по декабрь 1909 года; во-вторых, «кочующие» из дневника в прозаический очерк, а затем в поэтический очерк образы и сюжеты обретают смысловое наполнение на границе двух миров (*свое* и *чужое*). В геомаргинальной зоне (пересечение границы между Европой и Азией) и психомаргинальной зоне (сознание европейца, движущегося в азиатский мир) имагологическое содержание текстов динамически изменяется: то усиливается (*другое* воспринимается как всегда *чужое*, не *свое*), то редуцируется (*другое* как путь к постижению *своего*), то уступает место некой универсальной идее Всеединства, особенно характерной для позднего Пришвина-философа. В связи с этим подробнее остановимся на том слое (лейтмотивы,

сюжетные повторы) во всех трех произведениях, который можно обозначить как «киргизское» (северо-казахское).

Следует сразу отметить, что уже на страницах путевых записок, так называемого «сибирского дневника», Пришвиным часто проигрывается общая стратегия развертывания материала, которая впоследствии реализуется в очерках: одна линия (прозаическое видение) будет реализована в «Адаме и Еве», вторая (поэтическая) — в «Черном арабе». Путевые записки Пришвина («сибирский дневник») в этом смысле становятся фокусом, некой точкой, из которой впоследствии порождается «двойчатка» очерковых текстов³. Их поэтическая составляющая реализуется и в имагологическом ключе.

1. Степной пейзаж. Ландшафтное сознание

Одно из доминантных ощущений Пришвина в азиатском путешествии — это ожидание встречи со степью, которой он никогда еще не видел. Предощущение степи звучит нарастающим мотивом в повествовании. Степь обыгрывается в самых разных параллелях: «степь — лицо», «степь — море», «степь — жизнь», «степь — сухое море» [4]. Постепенное постижение национальных особенностей жизни кочевого народа осуществляется в дневнике прежде всего на лексическом уровне: *малахаи, таран, каркыра, кумыс, сарымай, куйрык, джетак* — все эти малознакомые автору слова, а также приметы, пословицы, поговорки вводятся в повествование и с научной достоверностью поясняются. На этом этапе дневник выполняет функцию записной книжки, куда вносится все необходимое для будущих произведений. Возникает и новое понимание местного ландшафта. В записи от 21 августа Пришвин замечает:

Самое лучшее время — вечер, стада стекаются... <...> степь живая... только теперь понимаю ее жизнь, раньше — пустыня...⁴

Именно намеченный в дневнике контур развития степного образа Пришвин развернет далее в «Адаме и Еве». Метафора «степь — сухое море» детализируется в очерке в различных вариациях:

Мы едем сутки в степи, едем другие, и все оно такое же и такое сухое желтое море: как снег, выступает соль на дорогу, озера мертвые, соленые, со страшными фиолетовыми краями. <...> И вот эта степь — пустыня с мертвыми солеными озерами. Этот край, где нужно брать с собой воду, чтобы не пить из ям, где тонут степные зайцы и крысы, где вода среди лета пересыхает и колодцы становятся вдруг солеными⁵.

Именно в «Адаме и Еве» степь будет развернута Пришвиным не только как пространство, воспринимаемое путешественником, но и как особое ландшафтное сознание («степное сознание»), чужое для русского человека. Если в дневнике эта проблема упоминается только вскользь в рассуждениях о разности европейского образа жизни и азиатского, о разности русского и киргизского образов мира и поведения, то в очерке «Адам и Ева» — множество замечаний о национальном своеобразии киргизского народа, точных и неожиданных наблюдений. Так, мифологическое сознание киргизов (в его первоизданном значении) позволяет Пришвину сопоставить их с древними греками:

Киргизы <...> своим творчеством напоминают греков при Гомере: они воспринимают внешний мир непосредственно и воспевают его таким, как воспринимают. На это отчасти указывают уже одни названия мест. Потеряется лошадь во время ночевки в степи — место это назовут «Потерянная Лошадь»; сломается колесо на дороге — урочище назовут «Сломанное Колесо»; попадет на глаза это колесо во время рождения ребенка — киргиз и ребенка назовет Сломанное Колесо (1, 706).

Несомненно, ландшафтное сознание личности всегда интересовало писателя, который называл свой путь в литературу «тележным этнографическим»⁶. Ко времени написания «сибирского дневника» Пришвиным были изучены в географическом и художественном отношении уже многие места: помимо родных краев (средняя полоса России, Елецкий уезд), это прежде всего Русский Север (очерки «В краю непуганых птиц» (1907), «За волшебным колобок» (1908)). Бывал писатель и в европейских городах Германии и Франции.

Кардинальная смена географических реалий, а вместе с ними и смена типа поведения прослежена Пришвиным на страницах

всех трех произведений. Так, в дневнике наиболее нейтральным способом — глазом ученого-путешественника — фиксируется изменение внешнего пространства. 3-го августа Пришвин помечает первую границу в своем путешествии: Тюмень — Сибирь, затем еще одна граница — Уральские горы, названные в путевых записях «столбом между Европой и Азией»⁷, а в очерке — «седою бровью старика»⁸. Далее Омск, Алтай — «золотые горы», Семипалатинск (несостоявшийся, т. к. писатель узнает, что в Каркаралинск лучше ехать через Павлодар), наконец, Павлодар и Каркаралинск.

Киргизская (казахская) степь показана как голое место, пустыня, в которой по несколько недель ничего не происходит. В очерке «Черный араб» степь-пустыня оживает только с появлением вестника Длинное Ухо, который разносит важные новости по степному пути. Пустота и бескрайность степи показаны Пришвиным как потенциально наполняемые пространства, в том числе и новыми людьми — переселенцами. В очерке «Адам и Ева» тема переселенчества становится основной и позволяет по-новому взглянуть на ландшафтное сознание нации.

2. Образ жизни. Оседлость — кочевничество

Рассуждения писателя базируются на авторской легенде о «вторых Адаме и Еве», вновь изгнанных из рая, но уже не имеющих земли для того, чтобы «в поте лица добывать свой хлеб» (ср.: Быт. 3:19). Писатель остро ставит вопросы о проблемах русских (русскоговорящих) переселенцев, которых гонит в азиатские степи безземелье.

Пришвин показывает картины хаотичного, нецелесообразного переселения безземельных крестьян — русских, украинцев — в чужие земли. Изображается семейная пара — украинец и украинка:

Он говорит с товарищами о хуторе на берегу Иртыша. А она грустно смотрит в пустую степь без деревьев, без яблонь и вишен, без мазанок белых с плетнями, без церквей, желтую, сухую, дочиста выжженную солнцем, с сухой низенькой щеткой вместо травы, и говорит:

— Як бы трошка землицы в Полтаве, так на що б я в ту бисову землю поехала! (1, 702).

В разговорах с местным населением и переселенцами Пришвин обнаруживает, что этот процесс имеет политическую подоплеку: «...киргизы — народ неблагонадежный» (1, 714) — и внедрение в азиатские степи не только земледельческого населения России, но и чиновников, землемеров, топографов укрепляет среднеазиатскую границу родины. Однако писатель-путешественник не ощущает никакой опасности со стороны киргизов, наоборот, говорит, что он, «русский, — пугало для края» (1, 714). Впоследствии этот образ чуждого и редкого для этой местности русского путешественника будет осмыслен автором через множество семантических параллелей («петербургский архар» — «настоящий джигит» — «степной оборотень» — «черный араб»).

Дневник только намечает возможную конфликтность между оседлым образом жизни, привносимым переселенцами, и коренным образом жизни степных кочевников. В «Адаме и Еве» эта тема разворачивается подробно через сопоставление двух историй: вначале как рассказанная писателю-путешественнику легенда о «завоевании» русскими киргизских степей, затем показано реальное воплощение этой истории. Во время ночевки в степи Пришвин разговаривает с двумя русскими крестьянами, и они рассказывают ему, что приехали на эти земли издалека, а тут «киргизята живут» (1, 710). Но у одного были вилы, у другого — оглобля. Превращенная в шутку история изгнания местного населения с родных земель открывает реальность легенды, порождая уже не шуточную, а действительную трагедию теперь уже «киргизских» Адама и Евы.

Для усмирения киргизов крестьяне подкармливают их *жамочками*:

Мне показывают рукой на степь, на луга, на все это громадное количество солонцовых степей, непригодных для земледельцев, но нарезанных исключительно потому, что участки чернозема лежат между ними. Места совершенно непригодные для земледельца, но необходимые пастуху. Вот эти-то места и отдают переселенцы в аренду согнанным киргизам «двадцать пять рублей за клочок» и называют это «жамочки» (1, 712).

Еще один способ прогнать киргизов — это развести свиней. Все, к чему прикасается свинья, становится для киргиза «грязным». Пришвин горько иронизирует: «Самое первое оружие против киргиза — свинья» (1, 715).

Противостояние земледельцев (джетаков) и пастухов (джайлоу), оседлого и кочевого образа жизни искривляет, коверкает национальную идентичность. Писатель очень четко задает антитетичность их миров:

Джайлоу, — значит, простор, свобода, значит, движение. Так прославляют поэты свою весеннюю кочевку. Джетак, — значит, лентяй, лежит; в этом слове заключается смысл презрительный: «лежишь, ну, и лежи» (1, 718).

Азиатское земледелие постыдно, некрасиво, им занимаются от нужды.

Поэтическая составляющая образов джетака и джайлоу связана с мифологемой жизни и смерти (вертикаль—горизонталь) и еды. Писатель отмечает, что раньше киргизы в дальних степях Балхаша

...не знали, что такое мука, понятия не имели о *баурсаках*, этих мучных шариках, зажаренных на бараньем сале. Теперь без этих баурсаков не обходится киргиз. Разве только где-нибудь возле Голодной степи все еще питаются киргизы исключительно куртом и ойраном.

Шарик вкусен. В этом — прогресс, но вкусивший его пастух почему-то совершает грехопадение (1, 718–719).

В финале очерка Пришвин осмысляет противостояние двух образов жизни в философском ключе: трудно первым переселенцам, чем дальше вновь заселяющие земли от начала переселения, тем им легче. Поэтому самые успешные переселенцы на Руси — это немцы.

3. Богатство—бедность

Ландшафтное сознание задает и координаты социального статуса киргиза. В пришвинских текстах есть понятие Голодной степи, солончаковой, и другое, связанное с метафорой степи как райского места.

Уже в дневнике писатель вводит киргизское слово *арка* — хребет, спина, пуп земли. *Каркаралы* — конечный пункт путешествия — назван им как «Тартарары» (провал, небытие, подземный мир), но и содержит в себе *арка* — райское место. В дневнике схематично, через этимологический этюд, намечено дальнейшее развертывание размышлений. В «Адаме и Еве» Пришвин указывает, что разоренные нашествием русских,

киргизы бегут в свою Аркадию, страну пастухов. Здесь мясо чудесное: два фунта каркаралинского равны пяти фунтам петропавловского. Здесь кумыс такой, что люди пьянеют, как от водки, а в Петропавловске — как вода (1, 716).

Наконец, в поэтическом очерке «Черный араб» именно описание посещения бая Кульджи, «отца пастухов», «степного царя», занимает одно из центральных мест. Густо насыщенная образностью, множеством сравнений и метафор предстает сцена приготовления, а затем поедания барана:

Когда баран поспел, перед ковром поставили низкий круглый стол и все к нему подвинулись. Достали голову и, отрезав ухо — лучшую часть, — предложили гостю съесть. Голову раздробили, мозг выбрали в особую чашку, накрошили туда лука, подлили из котла жижи, поочередно опустили руки в чашку, достали по горсточке, вкусно ели, тут же смазывая жирными руками уздечки, нагайки и седла. Закусив, принялись за барана.

Целая гора мяса лежала на блюде... (1, 522).

Огромная просторная юрта, три отдельные юрты для жен, богачей юрты братьев, дядьев, племянников, пастухов, восемь тысяч голов скота — «степной царь» показывал свое богатство:

И везде лилось молоко. И пахло острым овечьим сыром. И крик был от ягнят и козлят, заглушающий всякий говор (1, 527).

Последняя главка «Черного араба», в которой и описана сцена посещения Кульджи, становится не только яркой антитезой к образу голодной, соленой степи «Адама и Евы», но открывает имагологическую составляющую приема: киргизские земли не нуждаются в переселенцах, «оазисный» принцип расселения складывался веками, а за хорошим, сильным баем-

хозяйном стоят тысячи сытых, довольных своей жизнью людей.

К финалу очерка-поэмы мотив степи как райского места усиливается, приобретая условно-мифологические черты. Степь предстает как путь не только по звездному небу, где хвост Большой Медведицы — это привязанные к Железному Колу Белый и Серый кони, но и как некая сказочная страна:

За этой пустыней текут семь медовых рек; там не бывает зимы; там будет вечно жить Черный араб (1, 532).

Таким образом, поэтическая составляющая образов, сюжетов и мотивов, связанных с обрисовкой киргизской степи во всех трех текстах Пришвина несомненна. Сквозные метафоры, кочующие поэтические легенды и реальные бытовые истории, обрастающие символами, наполняют ранние очерковые и путевые книги Пришвина. Однако из этого мощного пласта поэтической образности реконструируется имагологическая составляющая: киргизский (казахский) мир осмыслен через принципы ландшафтного сознания, задающего особенности социально-исторических отношений и национального мышления в целом.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства Алтайского края, проект «Русская словесность на трансграничном пространстве России и Казахстана: процессы интеграции» (№ 16-14-22002).
- ¹ Пришвин М. М. Собр. соч.: в 6 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 2: Путешествия. С. 801.
- ² Под топоним «Сибирь» в начале XX века попадала огромная часть территории, включая районы современного Казахстана. Понятие «киргиз» объединяло всех представителей среднеазиатских народов, в том числе и казахов. В тексте статьи слово «киргиз» употребляется как синоним слова «казах», т. к. территориально Пришвин посетил именно современный Северо-Восточный Казахстан.
- ³ В своем позднем дневнике (запись от 30 сентября 1947 года) писатель развивает мысль о двух типах очерка: «прозаический очерк в моем опыте — это служебный, деловой; поэтический — свободный и, осмелимся сказать, праздничный» (см.: Пришвин М. М. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. С. 801).

- ⁴ Пришвин М. М. Путешествие из Павлодара в Каркаралинск // Пришвин М. М. Ранний дневник. СПб.: Росток, 2007. С. 523.
- ⁵ Пришвин М. М. Адам и Ева // Пришвин М. М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 704, 705. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и номера страницы в круглых скобках.
- ⁶ Пришвин М. М. Собр. соч.: в 6 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 4. С. 243.
- ⁷ Пришвин М. М. Путешествие из Павлодара в Каркаралинск. С. 492.
- ⁸ Там же. С. 698.

Список литературы

1. Борисова Н. В. Художественное бытие мифа в творческом наследии М. М. Пришвина: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Елец, 2002. — 32 с.
2. Дворцова Н. П. Между Европой и Азией: Сибирское путешествие Михаила Пришвина // Город как культурное пространство: материалы региональной культурной конференции. — Тюмень: ИПЦ Экспресс, 2003. — С. 8–18.
3. Лишова Н. И. Путешествие-странствие в повести М. М. Пришвина «Черный араб» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2013. — № 6. — С. 81–85.
4. Ольховская Ю. И. Очерк в системе жанровых категорий пришвинской прозы // Актуальные проблемы высшей школы: материалы научно-практической конференции. — Куйбышев: КГПИ, 2004. — С. 94–96.
5. Рыбаченко Н. В. Жанровые особенности ранних очерков М. Пришвина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Одесса, 1984. — 16 с.
6. Страхов И. И. Автобиографизм топонимического пространства в художественных текстах М. М. Пришвина: дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2015. — 240 с.
7. Трыков В. П. Имагология и имагопоэтика // Знание. Понимание. Умение. — 2015. — № 3. — С. 120–129.
8. Холодова З. Я. Дневник как творческая лаборатория: М. Пришвин в работе над очерком-поэмой «Черный араб» // Михаил Пришвин и XXI век: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. — Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. — С. 44–53.
9. Худенко Е. А. Путешествие М. Пришвина в Азию (анализ фрагментов из раннего дневника) // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции: материалы второй международной научно-практической конференции. — Барнаул: АлтГПА, 2013. — С. 124–130.

Elena A. Khudenko

Altai State Pedagogical University
(Barnaul, Russian Federation)

helenahudenko@mail.ru

KIRGHIZ STEPPE IN THE TRAVEL NOTES AND ESSAYS OF M. M. PRISHVIN: IMAGOLGY AND POETICS

Abstract. The article investigates the cross-cutting images and themes related to topography of the Kirghiz steppe (now North-Eastern Kazakhstan) in the works of M. M. Prishvin. Three early Prishvin's texts — a Siberian diary "A Journey from Pavlodar to Karkaralinsk", essays "Adam and Eve" and "A Black Arab" became an empirical base for it. The marginality of Prishvin's texts in which the itinerant writer crosses the border between Europe and Asia as well as the border of consciousness, dwelling simultaneously in the space of its own and in the others' space, permitted to reconstruct the landscape consciousness of the Kirghiz and Russian emigrees. The methodological feature of the study of these works along with the study of the poetics of the steppe images, the Kazakh, local legends and nomadic subjects, was a description of their imagological component induced by socio-historical, political and ethnic processes of the early twentieth century, the writer talks about in his books. So, the overall strategy of the narrative, moving from a documentary and essay principle to the poetic saturation by images is formed in his diaries. The essay "Adam and Eve" considers the issue of Russian immigrants, demonstrates the incompatibility between sedentary and nomadic life as two types of national behavior. A twofold image of the steppe — a foodless and saline steppe, and a rich and populated one — sets the parameters of social behavior of the rich and the poor in his essay "A Black Arab". Basing on its materials the distinctive marks of the steppe as the Paradise are explored. Thus, the Asiatic world is seen by Prishvin through the principle of the landscape consciousness, which allowed reconstructing the features of the national image on the whole.

Keywords: travel notes, essay, Mikhail Prishvin, imagology, steppe, emigrees

References

1. Borisova N. V. *Khudozhestvennoe bytie mifa v tvorcheskoy nasledii M. M. Prishvina. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [The Artistic Existence of Myth in the Creative Heritage of M. M. Prishvin. PhD. philol. sci. diss.]*. Yelets, 2002. 32 p. (In Russ.)
2. Dvortsova N. P. Between Europe and Asia: A Siberian Journey of Mikhail Prishvin. In: *Gorod kak kul'turnoye prostranstvo: materialy regional'noy kul'turnoy konferentsii [City as a Space of Culture: Materials of the Regional Cultural Conference]*. Tyumen, Publishing and Printing Center "Express", 2003, pp. 8–18. (In Russ.)

3. Lishova N. I. The Journey-Pilgrimage in the Novel of M. M. Prishvin "A Black Arab". In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma State University Named After N. A. Nekrasov], 2013, no. 6, pp. 81–85. (In Russ.)
4. Ol'khovskaya Yu. I. An Essay in the System of Genre Categories of Prishvin's Prose. In: *Aktual'nye problemy vysshey shkoly: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual Problems of Higher School: Materials of the Regional Cultural Conference]. Kuybyshev, Kuybyshev State Pedagogical Institute Publ., 2004, pp. 94–96. (In Russ.)
5. Rybachenko N. V. *Zhanrovye osobennosti rannikh ocherkov M. Prishvina. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Genre Features of Early Essays of M. Prishvin. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Odessa, 1984. 16 p. (In Russ.)
6. Strakhov I. I. *Avtobiografizm toponimicheskogo prostranstva v khudozhestvennykh tekstakh M. M. Prishvina. Dis. ... kand. filol. nauk* [Autobiographical Character of Toponymic Space in the Fiction of M. M. Prishvin. PhD. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2015. 240 p. (In Russ.)
7. Trykov V. P. Imagology and Imagopoetics. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2015, no. 3, pp. 120–129. (In Russ.)
8. Kholodova Z. Ya. Diary as a Creative Laboratory: M. Prishvin During His Work on the Essay-Poem "A Black Arab". In: *Mikhail Prishvin i XXI vek: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 140-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya* [Mikhail Prishvin and the 21st Century: Materials of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 140th Anniversary of the Writer's Birth]. Yelets, Yelets State University Named After I. A. Bunin Publ., 2013, pp. 44–53. (In Russ.)
9. Khudenko E. A. The Journey of M. Prishvin to Asia (Analysis of Fragments from Early Diary). In: *Russkaya slovesnost' v Rossii i Kazakhstane: aspekty integratsii: materialy vtoroy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russian Literature in Russia and Kazakhstan: Aspects of Integration: Materials of the Second International Research and Application Conference]. Barnaul, Altai State Pedagogical Academy Publ., 2013, pp. 124–130. (In Russ.)